

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

БЕЛЕТРИСТИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА XIX–XXI ВЕКОВ

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА – ВУЗУ И ШКОЛЕ

ПСКОВ 2004

Вульф. Писали же в изгнании. Данте - «Божественную комедию», Байрон - «Дон-Жуана».

Жуковский. А Пушкин не сможет. Не сможет. Доказать вам не могу, логических резонов не имею, но сердцем чувствую. Не сможет. (*Обращаясь к Языкову.*) А вы бы - предложи вам сейчас - уехали бы?

Языков. Я не в ссылке... И не под надзором...

Жуковский. А всё-таки?

Языков. Об этом не думал. Не знаю... Может быть, вы и правы.

Вульф. И вы полагаете... доберись он до Дерпта... коляска у дверей... паспорта в порядке... завтра Кенигсберг... впереди Париж, Неаполь... и он не поедет?

Жуковский. Не поедет. Вернётся в Михайловское.

Вульф. Ни за что! Готов любое пари держать! Голову даю на отсечение.

Жуковский. Голова вам ещё пригодится.

Входит Мойер с письмом в руке.

Мойер. Господа! Ошибка! Пушкин не приедет! Разрешение делать операцию в Дерпте государь дать не соизволил.

Жуковский. Вот как повернулось! Ну что же! (*Языкову.*) Спор наш не разрешён... уж не гневайтесь...

Языков. Почему не разрешён? Разрешён! Чисто российским способом!

Жуковский. Такой способ тоже не всегда плох. Можно ехать! Настя, зови Сашу! До скорой встречи!

Все выходят.

Занавес.

Тарту, 1983

Л. И. Вольперт (Тарту, Эстония)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОБЕГ (ГИПОТЕЗА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И В БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОЙ ПУШКИНИАНЕ)

Настоящая статья посвящена не до конца прояснённой факту: намерению Пушкина летом 1825 года совершить побег через Дерпт из Михайловского за границу. В статье идёт речь и о попытке создания на этом материале исторической пьесы. Биографическая реконструкция, включающая гипотезу или учитывающая «виртуальную реальность» (в понимании М.Н. Виролайнен¹), – существенный приём не только научного изучения жизни писателя, но и создания драматургического произведения. По отношению к Пушкину биографическая реконструкция оказывается особенно конструктивной при исследовании непрояснённых *поворотных моментов* в жизни поэта, например, при описании диалектики его отношений с Николаем I (первая встреча, дело «Гавриилиаде», поездка в Арзрум, камер-юнкерство). Но и в Александровскую эпоху в пушкинской биографии есть не совсем прояснённый «гипотетический» момент: замысел побега из Михайловского через Дерпт в Европу.

Фактологически пушкинский план наиболее чётко прослеживается в момент его полного провала (переписка поэта с Сергеем П. Вяземским, В. А. Жуковским, А.Н. Вульфом, И.Ф. Мойером). Как известно, Пушкин надеялся получить разрешение царя на выезд за границу или в Прибалтику для операции аневризма (в последнем случае он рассчитывал на побег через Дерпт), однако Александр I операцию делать «дозволил», но – *во Пскове*. «Аневризмом своим дорожил я пять лет, как последним предлогом к избавлению, *ultima ratio libertatis*, – писал Пушкин Вяземскому, – и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку!»²

Финал замысла получил чёткое завершение в противоположность начальным этапам; предпоследние косвенные сведения о плане – в апреле (черновое письмо царю, письмо В. А. Жуковс-

кому). Дерпт в переписке строго «загабуирован» (название города впервые прозвучит только после провала плана). Доапрельские приготовления могут быть описаны лишь в ключе гипотезы, поскольку сведения о них сохранились в форме эзопова языка в зашифрованных переговорах поэта с А.Н. Вульфом и братом Львом о «коляске», «типографии», «переписке», «издании пушкинских произведений».

Первая и, как представляется, единственная попытка научной реконструкции пушкинского плана побега была предпринята ещё в XIX веке П.В. Анненковым³, но он оперирует лишь фактологическим материалом, не касаясь начального «гипотетического» этапа. Между тем можно предположить, что первый шаг замысла был связан со структурно важным моментом в биографии Пушкина: открытием им 20.IX.1824 г. *нового эпистолярного сезона*. Поэт, на наш взгляд, глубоко осознавал знаковую сущность первого письма из Михайловского: в нем релевантны все детали – выбор адресата, стихотворная форма, «игровой» настрой! Письмо предназначалось соседу по Тригорскому, *дерптскому студенту* А.Н. Вульфу и содержало важное вложение: стихотворное послание его близкому другу, также *дерптскому студенту* – Н.М. Языкову. Примечательно, что тут же давались точные указания по конспирации: «...пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей А.<нны> Н.<иколаевны>» (XIII, 109).

Для первого эпистолярного аккорда Пушкин счёл уместным парадоксальный жанр заманчивой и соблазнительной «*ссылкой анакреонтики*»:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой.
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловской прикасчик)
Привезет нам, право, клад ...
Что? – бутылок полный ящик.

Запируем уж, молчи!
Чудо – жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы
Мы же – то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены

(XIII, 109)

Имя Языкова названо ещё четыре раза, один – в прозаической части пушкинского письма («...уговори Языкова...»), и три – в переписке Анны Н. Вульф брату («...отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, приложи всё старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает...») (XIII, 109). Настойчивое желание Пушкина «завлечь» Языкова в Михайловское, естественно, не чистая прагматика; он еще в 1823 г. писал Дельвигу из Одессы: «Разделяю твои надежды на Языкова...» (XIII, 74). Стремление узнать лично автора студенческих песенок, полных издёвок над самовластьем⁵ стихов будут изданы позже, но Вульф, по-видимому, успел их «напеть» Льву, а тот – Пушкину), содержало, как нам представляется, одновременно и бескорыстный интерес, и надежду на помощь в побеге. Возможно, Пушкину известны были написанные Языковым в октябре 1823 г. строки, близкие судьбе поднадзорного поэта: «Пускай пугливого тиранства приговор // Готовит мне в удел изгнания позор // За смелые стихи...»⁶

Во вложенном в письмо «конспиративном» послании «К Языкову» (при издании в 1830 г. слово «самовластье» заменено словом «непогода», строки «Надзор обманем караульный, // Воскресим вольности дары // И нашей юности разгульной // Пробуем шумные пиры» – изъятые) Пушкин впервые в стихах открыто вылил горечь ссылки:

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.

Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мои признанья,
Моих надежд не обмани.

(II, 232)

Языков ответил стихотворным посланием, восторженно благодаря Пушкина за его щедрую хвалу, но на приглашение не откликнулся ни словом (Михайловское он посетит лишь через два года).

Как известно, мысль о побеге возникала у поэта ещё на юге («...не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь» (XIII, 86), но решительно изменивший ситуацию жесткий «...удар карающей власти»⁷ заставил Пушкина взглянуть на дело более конкретно. Возможно, горестные размышления о будущей судьбе терзали поэта уже в пути, а прибыв на место, он полностью осознал всю безнадёжность неограниченной никакими сроками ссылки. Как «единственное спасение» представилась ему необходимость операции аневризма, замысел побега стал приобретать реальные очертания.

Фактически в посланиях Вульф и Языкову уже «задействованы» четыре протагониста «сценария» (в том числе не подозревающие о предназначенной им роли Вульф и Языков). Брата Льва поэт посвятил в замысел первым, Вульфа вторым, по-видимому, в конце 1824 г.: «Вульф уже здесь, – пишет он брату, я ему ещё ничего не говорил, но жду тебя ... переговориться нужно непременно» (XIII, 130). Вульф и сам подумывал об отъезде за границу, идея выдать Пушкина за слугу принадлежала ему. Именно он ввёл в переписку зашифрованные термины «типография», «издание пушкинских стихов», «Цензор» и др. После провала замысла Пушкин напишет Вульфу: «Я не успел благодарить Вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, чорт с ними и с Цензором, и с наборщиком и с tutti quanti...» (XIII, 219). Слухи о готовящемся побеге докатились до Петербурга: «Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моём побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо!» – иронизирует поэт в письме к брату от 20.XII.1824 г. В шуточный расчёт на перлюстрацию включа-

ется ироническая смысловая игра: «Когда ты будешь у меня, то знаешь трактовать о банкире, о переписке, о месте пребывания Чадаева. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться» (XIII, 131). Был ли введён в курс дела Языков – остаётся непрояснённым. Во всяком случае в апреле 1825 г., т.е. в разгар подготовки побега, он в стихотворение «Дерпт» включил строки, перекликающиеся с пушкинским замыслом:

Дерптский тракт – кратчайший путь за границу;
«Давно б Дерптскую дорогу // Я вышел утренней порой...» (II, 232) – строки из пушкинского послания Языкову. Дерпт для побега подбирался идеально: согласие знаменитого хирурга, друга Жуковского И.Ф. Мойера на операцию не вызывало сомнений, помощь молодых друзей обеспечена. Естественно, возникает вопрос: дошёл ли поэт до Дерпта, в решающую минуту не отказался ли бы от авантюрного замысла? Попытка ответа вовлекает исследователя в Царство Гипотезы.

Понятие гипотезы в литературоведении изучено слабо; специальных работ, насколько нам известно, нет; в литературных энциклопедиях и словарях этот термин отсутствует. Такое положение в каком-то отношении естественно: гипотеза органически чужда науке о литературе, она – как бы *самый её дух*, выделять либо эту категорию не считалось необходимым? Среди работ философии и логике труды о гипотезе занимают немаловажное место, но они ориентированы на точные и естественные науки, где возможен конечный результат; в гуманитарных науках априори достижим редко (исключение – стиховедение).

И всё же, как представляется, возможны «рабочие» попытки научного описания этой сложной категории в применении к литературоведению. Прежде всего, как определить природу гипотезы – это приём, механизм, инструмент, элемент методологии или способ научного исследования? Думается, ответ зависит от эстетического задания. Классификация категории возможна по многим параметрам, и прежде всего по целевой ориентации: обновление отдельного факта или выработка общей интерпретации. Обе задачи значимы для всех составляющих науки о литературе (текстологии, поэтики на всех уровнях, исследования гене-

зиса произведений, для биографического метода). В случае удачи оба целевых приёма могут привести к разнообразным конструктивным выводам, начиная от нетривиального освещения отдельного конкретного факта и кончая открытием новой теории или нового направления. Красота гипотезы, кроме всего прочего, зависит и от конечного результата.

Одна из самых сложных проблем, связанных с этой категорией – определение *доказательности*. В нашей науке степень доказанности всегда относительна, но истинно *научная* гипотеза обладает определённой позитивной инерцией, способностью получать со временем всё новые и новые подтверждения. Представляется, как это ни парадоксально, что при установлении степени доказанности для нас более конструктивен не опыт естественных (точных) наук, а юриспруденции (система доказательств вины и оправдания)¹⁰. В нашем неординарном *процессе* возможны парадоксальные, но вполне реальные заключения вроде таких: «доказательно, но не убедительно», «убедительно, но не доказательно». Однако «судьи» – не столько *другие*, сколько сам учёный, *творец* гипотезы: в идеале этической позиции именно ему надлежит быть самым *строгим арбитром*. Исследовательская этика призывает учёного как бы «аскетически» преуменьшать «процент» уверенности и оценкам – «абсолютно точно», «не вызывает сомнения», «всем очевидно» – предпочитать более мягкие формулировки – «некоторая степень вероятности», «вполне возможно», «не исключено».

Более сложен вопрос о роли творческой *интуиции*. Речь идёт не о категории *бессознательного*; в данном случае присутствует элемент отрефлектированности, связанный с эрудицией ученого. Точнее сказать, интуиция, как один из стимулов к зарождению гипотезы, находится как бы на периферии художественного сознания, она – следствие глубоких и разносторонних знаний. Процесс выдвижения гипотезы можно было бы определить несколько неуклюжим термином – *ассоциирование*.

Поскольку речь идёт о важности интуиции в работе исследователя, процесс поиска можно в чём-то сравнить с творческим процессом у художника. Учёт литературных ассоциаций, возник-

ющих в сознании писателя, сложен и не всегда поддается точной документации. Наряду с бесспорно установленными воздействиями, существуют легкие переключки, часто подсознательные и трудно уловимые. Если считать, что творческий метод художника – *ассоциация*, а учёного – *ассоциирование*, возникает вопрос: какова должна быть исследовательская стратегия – *учитывать* или как бы *не замечать*. Не учитывать – идти на потери, учитывать – вызвать упрек в недоказательности. Учёный в подобных случаях, хотя внутренне и убежден в наличии творческой интуиции, чаще всего выбирает второй путь. Выше уже затрагивался вопрос о критериях «красивой гипотезы». Она не обязана непременно быть *парадоксальной* или *эффектной*, но должна быть выдвинута на основе реальных фактов, профессионального владения материалом и, желательно, с применением новой методики.

В специфике постановки гипотезы всякий раз проявляется индивидуальность исследователя, особенности его метода. Знать, зарождался импульс к выдвижению гипотезы – поучительно и любопытно, но об этом, увы! пишут редко. Прошу извинения за лирическое отступление. В 1983 г., когда я была руководителем ТЭСТА (Тартуский Экспериментальный Студенческий Театр), Ю.М. Лотман неожиданно предложил: «Скоро 200-летие Пушкинского. Хорошо бы твой театр поставил к этой дате пьесу». Но где я её возьму?» – «Как «где»? Сама и напишешь». Так появилась одноактная пьеса «Семь дней в Дерпте» (Тарту, 1983)¹¹!

Автор этой статьи неожиданно для самого себя выступил в двух выступлениях: исследователя писем Пушкина («Дружеская переписка Пушкина михайловского периода»¹²) и создателя пьесы о поэте. Гипотеза как важный механизм реконструкции микромира художника оказалась релевантной не только для биографического исследования, но и для беллетризованной пушкинианы. Пьеса – попытка языком драматургии ответить на вопрос «Решился ли бы Пушкин на побег или вернулся бы законопослушно Михайловское?» Определение *окончательного* пушкинского решения без включения *авторрефлексии* поэта представлялось нам мало конструктивным, но и претензия на понимание Пушкина *изнутри* – самонадеянной и не оправданной. Совет Ю.М. Лот-

мана оказался как нельзя кстати, он пал на подготовленную почву. Стало ясно, что историко-биографическая пьеса в булгаковском ключе (поэт на сцене не появляется) с доминантой напряжённой дискуссии могла бы более адекватно ответить на поставленный вопрос, чем научная статья.

Анализировать собственную пьесу – не совсем ловко, но поскольку она написана «по заданию», а *двойной опыт* пушкиниста может оказаться не совсем бесполезным, разрешим себе этот сомнительный акт, включив самокритику, иронию и попытки самооправдания.

Историческая основа пьесы – время в мае 1825 г., когда в Дерпте ждут приезда Пушкина на операцию, а Языков и Вульф готовят его побег. Пушкин на сцене не появляется, но, как писал рецензент, «...он нерв, центр всего»¹³. Пьеса полна анахронизмов, но это в исторической пьесе допускается: события десяти лет «сгущены» в одну неделю. Важно, чтобы атмосфера эпохи была восстановлена корректно, что, кажется, удалось: «...дух преддекабристской России и студенческой вольницы передан весьма точно»¹⁴. Автор попытался включить как можно больше конкретных реалий, создающих «местный колорит» (студенческий трактир «У белого быка», езда на лошадях по Домбергу, предписание ректора Эверса о дуэлях, представление на Учёном Совете новому попечителю, князю Ливену, профессоров и т.п.). Пьеса построена «по правилам», в ней есть любовная линия (два «треугольника»: Языков – Воейков – Саша; Жуковский – Мойер – Маша), детективная (Воейков подозревает «неладное» и клянется «докопаться»), бытовая (приезд из Михайловского Анны и Зизи в гости к брату), есть и *злодей* (Воейков, действительно, писал доносы на профессоров и, действительно, растлил горничную), словом, автор знаком с канонами жанра и следует им со всем старанием. Главный недостаток пьесы – слабость сценического психологизма – особенно заметный в изображении центральной любовной коллизии (Саша – Языков – Воейков), имеет некоторое оправдание. Кроме объективной причины – сценический психологизм требует подлинного мастерства – оно в невольном учёте автором традиции светской повести (Марлинский, Павлов, Солло-

Ган, Жукова, Ростопчина, Одоевский, Дурова). Адюльтер в пьесах был всегда строго *табуирован*, героиня награждена «комплексом» Татьяны: она любит «не мужа», но остается верна другу. Автор к тому же писал для школьной аудитории, не учтя, что она уже *не совсем та*.

Но главное, для чего пьеса была создана, – напряжённая дискуссия о *выборе пути*. Спор о том, какое решение в конце концов примет Пушкин, ведут Языков и Вульф, с одной стороны, и Жуковский – с другой. Первые не сомневаются: будь всё хорошо подготовлено (они и паспорт, и маршрут, и одежду «слуги» достали продумали), поднадзорный поэт перед соблазном *не устоит! побежит!* Жуковский убеждён – *Устоит! Не побежим! Там ни строчки не напишет!* – «Но ведь писали же в изгнании Данте и Байрон?» – «А Пушкин не сможет!»

При описании поэтики драматического произведения термин «гипотеза» не «работает», драматургу слово не дано, а в сознании героев категория трансформируется в «убеждённость». Автор пьесы постарался собрать все резоны «за» и «против» и дать оппонентам равные шансы в споре. Но какова его собственная позиция? К какой стороне примыкает он сам? По мере работы над пьесой выяснилось, что дать ответ – и есть для него самое трудное.

Исследователю дозволено рассматривать *виртуальные* варианты биографии писателя; тот факт, что жизнь уже осуществила свой *течение*, не имеет решающего значения. Для воображения и рефлексии учёного (и художника) ход Судьбы – не единственная возможность. Окажись Пушкин в Дерпте, вариантов *выбора* было немало, и будущая ситуация предстала бы на редкость сложной. Множество вопросов, начиная с материальных – *на что жить за границей?*, кончая моральными – *как не подвести друзей?* – требовали бы решения. С другой стороны, Пушкин отчётливо осознавал бы полную безнадёжность ситуации ссылки, а тут – коляска у дверей, паспорт в порядке, завтра – Кенисберг, впереди – Париж. По воле автора каждая из спорящих сторон нацелилась на один «мыслимый» вариант будущего сюжета жизни поэта, создателю же этих героев чудилось множество взаимоиск-

лючающих сюжетов одновременно. Автор как бы остановился перед невозможностью выбрать одно решение, ему чудились десятки развязок, множество сюжетов из жизни Пушкина за границей. Если бы он сумел их органично включить в пьесу, получилась бы сложная постмодернистская драма: «...в виртуальной реальности один и тот же сюжет может с равной вероятностью течь в двух прямо противоположных направлениях»¹⁵. Однако автор создал пьесу традиционную, рационалистическую, и поскольку развязка была подсказана самим ходом Судьбы, он не стал «мудрствовать». Известие о «дозволении» царя вместо *Дерпта* ехать во *Псков* «сняло» предмет дискуссии и диктовало заключительные реплики: Жуковский: «Спор наш не разрешён. Уж не гневайтесь». Языков: «Почему не разрешён? Разрешён Чисто российским способом».

Таким образом, главный вопрос остался открытым, и можно считать, что тема не исчерпана. В ней таятся богатые возможности; иная авторская стратегия могла бы привести к созданию произведения в модернистском ключе. Для этой новой пьесы, возможно, потребовались бы не один акт, а три, она включила бы всю «мыслимую реальность», все взаимоисключающие варианты дальнейшей судьбы Пушкина (от самых трагических до самых благополучных) и – не исключено! – оказалась бы в русле самых современных поисков постижения в искусстве «виртуальной сферы». Но для всего этого требуются недюжинное мастерство и подлинный талант драматурга. Дискуссия о гипотезе, связанной с возможностью побега Пушкина, может продолжиться и в настоящее время.

¹ См.: Виролайнен М. Н. Пушкинский возможный сюжет и виртуальная реальность // Пушкин в XXI веке: вопросы поэтики, онтологии, историзма. Сборник статей к 80-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2003. С. 37–44.

² Пушкин. А.С. Полн. собр. соч. в 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. XI. С. 226. В дальнейшем сноски на это издание даются в тексте статьи, римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

³ П.В. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1873. С. 283–287.

Об «игровом мире» Михайловского-Тригорского см.: Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С.33–86.

См. также: Вольперт Л.И. Электронная книга. Русско-французские литературные связи конца XVIII – первой половины XIX в. // <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm> В дальнейшем: Вольперт. Электронная книга.

См.: Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. М.; Л., 1964. В песнях множество крамольных выпадов: «Где поп и государь не оковали муз...» (101); «Под адской силой самовластья...// Покорны вечному ярму // Сердца не чувствуют несчастья // И ум не верует уму» (125); «Здесь нет ни скиптра, ни оков...» (95); «Велят мне изъясняться тише...» (104). В дальнейшем: Языков. Языков. С. 103.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 111. СПб. 1899. С. 107.

Языков. С. 166.

В 1977 г. «Вопросы литературы» провели дискуссию «Нужны ли в литературоведении гипотезы?», развернувшуюся, в основном, вокруг парадоксальных гипотез В.Э. Рецептора и А.Г. Битова. Конечный ответ, естественно, был положительным, но, хотя высказывались крупные учёные (С.Г. Бочаров, Л.Я. Гинзбург, М.Л. Нольман и др.), спор был ориентирован на широкую читательскую аудиторию и на научность не претендовал. Д.С. Лихачёв, подводя позднее в статье «История - мать истины» итоги дискуссии, высказал мысль о вреде «надуманных», не подтверждённых научно гипотез, т.к. они подрывают доверие массового читателя к литературоведческой науке.

На это сопоставление обратил наше внимание Б.А. Кох; хочу выразить ему свою благодарность.

Вольперт Л.И. Семь дней в Дерпте // Вышгород. Тарту, 1995. № 1-2. С. 39–63. См. также: Вольперт. Электронная книга.

См.: Вольперт Л.И. Дружеская переписка Пушкина михайловского периода (сентябрь 1824г. – декабрь 1825 г.) // Пушкинский сборник. Сборник научных трудов Ленингр. Госпединститута им. А.И. Герцена и Псковского пединститута им. С.М. Кирова Л., 1977. С. 49 – 62.

¹⁶ Киселева Л.Н. Дух студенческой вольницы // Вышгород. Таллинн, 1995. № 1-2. С. 38. В дальнейшем: Киселева.

¹⁷ Киселева. С. 38.

¹⁸ Виролайнен. С. 38.